

МЕЛИССА БЭНК

МЕЛИССА БЭНК

**РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ДЕВУШЕК
ПО ОХОТЕ
И РЫБНОЙ ЛОВЛЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Серия «Настоящая сенсация!»

Melissa Bank

THE GIRL'S GUIDE TO HUNTING AND FISHING

Перевод с английского *Н. Казанцевой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Friedrich Agency и The Van Lear Agency.

Бэнк, Мелисса.

Б97 Руководство для девушек по охоте и рыбной ловле : [роман] / Мелисса Бэнк ; [пер. с англ. Н. Казанцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-104688-0

«Руководство для девушек по охоте и рыбной ловле» — международный бестселлер, ставший культовым для молодых женщин всего мира. Экранизировал его Фрэнсис Форд Coppola, а в главных ролях снялись Сара Мишель Геллар и Алек Болдуин.

История взросления — забавная и печальная, остроумная и трогательная.

История о том, как девочка превращается в женщину.

Ее первые радости и утраты, первое большое, настоящее, уже взрослое горе, первые «светские» успехи — и, конечно же, первая любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Melissa Bank, 1999

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-104688-0

Моим невымышленным советчицам

Девушки, примите мою признательность за реальную помощь и невыдуманную поддержку! Адриенн Броудер, Кэрол ДеСанти, Кэрол Фиорино, Молли Фридрих, Джуди Катц и Анна Уингфилд — спасибо вам!

Искусство незатейливо утраты
Уносит от привычных берегов
И всё, и всех — дела, места и даты.

Тут каждый день — разъятым циферблатом
Ключей оброненных и времени, и слов.
Искусство незатейливо утраты.

Зову отца... Тот адрес с адресатом —
Их больше нет. И суть, и кровь, и кров —
Всё канет, всё — дела, места и даты.

Вот мамины часы, окно с закатом,
Как я любила их! Прости, любовь.
Искусство незатейливо утраты.

Река, два города, родных когда-то,
Да целый мир, из яви и из снов!
И все же я держусь у края ската.

Но если вдруг финальную утратой
Мы распадется эхом голосов
На *я* и *ты*, тогда, в конце концов,
Ты знай — мне не спастись у края ската.

Элизабет Бишоп.
«Одно искусство» из книги
«Сборник стихотворений» (1927—1979)

Глава 1

ПЕРВЫЕ СТАРТЫ

Дома позволительно расслабиться и быть собой. Это не значит, однако, что можно злоупотреблять любовью и привязанностью, которые испытывают к нам другие члены семьи.

*Д. Лессенберри, Дж. Кроуфорд,
Л. Эриксон.*

*Пособие по машинописи для нашего
двадцатого века*

Первая настоящая девушка моего брата была на восемь лет его старше — двадцать восемь против двадцати. Ее звали Джулия Каткарт; мы это выяснили в июне. Они приехали из Манхэттена к нам в Лавлейдис, что на океанском побережье Нью-Джерси. Когда на подъездной дорожке появилась его любимая машинка с откидным верхом, за рулем сидела именно она. Мы с мамой подсматривали из кухонного окна.

Я заметила:

— Он позволяет ей водить свою машину.

Они даже одеты были похоже: свободные белые рубахи, заправленные в джинсы, — только у нее еще накинутый на плечи черный кашемировый свитер.

Джулия была темноглазой, с высокими скулами, чудесной бледной кожей, и на щеках горел яркий румянец — как у больного ребенка. Волосы собраны в хвост, небрежно схваченный кружевной лентой, в ушах — крошечные жемчужинки.

Я думала, что она будет выглядеть старше, чем Генри; однако старше, чем Генри, выглядел сам Генри. Там, рядом с ней, брат казался совсем взрослым. Отрастил бороду, нацепил темные очки в металлической оправе: этакий богатый прожигатель жизни, а вовсе не студент-философ. Волосы он тоже отрастил; они не до конца выгорели, а были рыжеватого цвета, как у ирландского сеттера.

Он чмокнул меня в щеку, затем кинулся обниматься с Цезарем, нашим эрделем, пока мама и его барышня пожимали руки. Они соприкоснулись только кончиками пальцев, по-дамски, с сердечными улыбками — словно душевные подруги, которые уже готовы друг друга нежно полюбить и только ждут повода.

Джулия повернулась ко мне:

— А ты, должно быть, Дженни?

— Сейчас меня в основном называют Джен. — Кажется, это прозвучало совсем по-детски.

Она не спорила.

— Джен. — Так взрослые пытаются поладить с детьми.

Генри открыл багажник и начал выгружать сумки, большие и маленькие, нечто, перевязанное бечевкой, рюкзак. Он как раз заводил машину в гараж, и Джулия его окликнула:

— Хэнк, а вино есть?

Хэнк он там оказался или не Хэнк, вино он нашел.

Кроме спален и затененного крыльца-веранды, в доме был большой общий зал. По нему Генри устроил для своей девушки шуточную экскурсию.

Он показал на диван.

— Здесь у нас гостиная. — Помолчал и кивнул на диван снова. — А еще гнездышко, логово и берлога.

Джулия сидела на крыльце, вытянув ноги в темно-синих сандалиях — Одри Хепберн, отдыхающая после урока танцев. На ногах у Генри были лоферы на босу ногу, и я заметила, что в кожаной полоске с прорезью, куда обычно вставляют монетку, у него засунут жетон от метро.

Джулия глотнула чаю со льдом и спросила, откуда взялось название «Лавлейдис». Мы не знали, однако Генри ответил:

— Еще со времен индейцев.

Она улыбнулась и спросила маму, как давно мы сюда перебрались.

— Первый год.

Папа играл в теннис, и никто не помешал мне добавить с намеком:

— Раньше мы ездили на остров Нантакет.

— Там красиво, — сказала Джулия.

— Красиво, — согласилась мама и принялась цитировать нудную рекламу о достоинствах Нью-Джерси.

Главным достоинством была близость к нашему дому в Филадельфии.

Когда мы в последний раз спорили, куда ехать, я сгоряча предложила, раз уж Нантакет не подходит, вообще ограничиться такой дикой дырой, как Кэмден. А что, еще ближе к дому, и вообще все близко. Я даже чуть было не добавила, что там и до мусорной свалки рукой подать.

Спасибо, отец меня перебил.

Могло показаться, что он зол; но нет, голос звучал ровно. Чем хорошо побережье — туда можно ездить круглый год, что способствует сплочению семьи.

— Как все запущено, — буркнула я, желая разрядить разговор.

Мама мне улыбнулась и заметила, что дом стоит прямо у воды. И можно нырять практически с самого крыльца!

К моменту того спора дом они уже выбрали; выбрали — и послали запрос владельцам. Впрочем, это я поняла позже. А тогда просто уточнила:

— А что там, океан?

— Океан тоже близко. — Мама старалась не терять воодушевления.

Я вздохнула:

— Залив.

— И на залив вид изумительный. А наш дом стоит на канале. Совсем как Венеция. Каналы и лагуна.

Впрочем, эти названия мне ни о чем не говорили.

И вот сейчас Джулия спросила, довелось ли нам тут поплавать, и мама ответила:

— Само собой.

Мне не хотелось портить маме светскую беседу, но лагуна была вся в нефтяных пятнах, а дно загажено так, что не ступить.

Все это время Генри сидел с нами на крыльце. Удивительно.

Мама завела разговор на «летние» темы, коснувшись таких противоречивых вопросов, как урожайность кукурузы (лучший сорт — «Серебряная королева»), засилье москитов (раздражают) и теннис (отличная тренировка).

Наконец Генри все-таки встал. Решительно спустился по ступенькам, словно его ждали срочные дела. Возможно, он собирался проверить мои ловушки на крабов или посмотреть, прихватили ли мы с собой велосипеды; да что угодно. Отец вел себя в точности так же: дом полон гостей, требуется всех угостить, занять разговором, развлечь — и, само собой, это обязанность мамы. А папа спокойно отправляется вздремнуть или почитать.

Так что сейчас разыгрывалась привычная сцена: мама в роли хозяйки; девушка брата — в роли гостыи. А младшая сестра сбежит за кулисы. Я дождалась паузы в их щебете и виновато улыбнулась: «Простите, дорогие. Я бы и рада побыть с вами подольше, но там без меня человечество в опасности».

На обед были пойманные мной у доков крабы. Мама застелила стол газетой, и мы все измазались в типографской краске. Как ни странно, мама подала на стол молочные початки «Серебряной королевы». Брат, на удивление, ел нормально. Обычно он торопится, словно на пожар, и очень даже запросто может использовать кукурузины как бабанные палочки.

Мама расспрашивала Джулию про семью. Есть брат, живет в Сан-Франциско; сестра в Париже. Оба *планируют посетить* ежегодный *гала-вечер*, который ее мама *дает* в Саутгемптоне. Джулия осторожно подбирала слова; некоторые я прежде только в словаре и видела. *Леди-словарь*.

Мама строго посмотрела на меня: *не ухмыляйся*.

Однако медлительной Джулия была только в подборе слов: своих крабов она почистила вдвое быстрее остальных. Я спросила, как это ей удастся. Она показала мне выступ на брюшке краба. За него надо потянуть, и тогда панцирь прямо сам сходит. Генри тоже наклонился и смотрел.

Отец спросил насчет издательства, где они работали с Генри. Джулия сказала: ее начальник — отменный редактор и истинный джентльмен.

Генри ехидно добавил:

— Каждое утро, когда мы проверяем почту, мистер Макбрайд заглядывает к нам и спрашивает: «Ну что, ребятки, нарыли сокровища?»

Я видела этого отменного редактора и истинного джентльмена, когда навещала Генри. И сейчас не удержалась:

— Он считает, что мой брат незаменим. А еще обзывает Тюдором.

Отец пробормотал себе под нос:

— Хэнк Тюдор.

— Мистера Макбрайда можно извинить, — сказала Джулия. — Он *ревнитель* британской истории и персона очень преклонного возраста.

Я подумала: *«Гала-вечер посетят отменные персоны преклонного возраста и всяческие ревнители»*.

И поинтересовалась:

— А на работе в курсе, что вы пара?

Отец зыркнул на меня.

Генри сменил тему. Оказывается, его перевели из практикантов в ассистенты. Повышение. Он, похоже, ждал, что родители будут польщены. Однако весь папин вид указывал на отсутствие бешеного восторга. По маме определить всегда труднее: она следит за выражением лица.

Проблема была в учебе. Генри все еще не решил, начнет ли осенью занятия в Колумбийском университете.

Он уже четыре раза откладывал. Или пять, если учесть, что университет Брауна он отменял дважды. Причины переноса начала занятий всякий раз звучали вполне разумно и логично. Например, «необходимость тщательно выбрать специализацию».

Перед сном мама сказала Джулии, что посетит ее со мной, — и выразительно посмотрела на меня. При входе в спальню громоздился кошмар-